

Глава 3

Неужели и Яма страдает от любви?

Возможно, тот поединок пришёлся даосу Цин Я по вкусу, потому что он стал поощрять своих учеников с горы Цзюсяо почаще навещать в Линьси для спаррингов. Это, мол, и для отработки техник лёгкости полезно, и для взаимного обмена опытом.

Именно в то время Вань Миньюэ и сблизился с Хань Линем.

С момента их первой встречи прошёл уже год. Юноша изменился так сильно, что Миньюэ с трудом его узнал. Он несколько раз переспросил у других, прежде чем поверить, что перед ним тот самый желтолицый и тощий мальчишка, а не этот тринадцатилетний подросток, чей статный вид было невозможно скрыть. Хань Линь стремительно вытянулся, так что штанины теперь были на целый цунь выше щиколоток. Он наконец-то перестал быть похожим на ходячий скелет, и черты его лица, прежде скрытые худобой, проявились во всей красе.

Шангуань Цюэ же остался верен себе, лишь став ещё более ослепительным. Ученики обеих школ только о нём и говорили: сегодня — о его боевом искусстве, завтра — о его внешности, послезавтра — о его поступках. Он стал для Линьси кем-то вроде божества, что, откровенно говоря, раздражало.

Хань Линь, к удивлению Вань Миньюэ, его помнил.

— Ты ведь тот самый маленький даос, да? — спросил он при встрече.

— Я не даос, — без тени эмоций ответил Вань Миньюэ.

— Врёшь, вы же живёте в монастыре, — не унимался Хань Линь и, повернувшись к Шангуань Цюэ, добавил: — А знаешь, они ещё учатся рисовать жёлтые талисманы...

— Это потому, что мой наставник — даос, — прервал его Миньюэ.

Он не верил ни в богов, ни в демонов, и ещё долгие годы ему было стыдно признаваться кому-либо в том, чему заставлял их учиться наставник.

— Твой наставник — даос, а ты его ученик. Значит, ты маленький даос. Разве не так?

— А кто сказал, что ученик даоса непременно должен быть даосом? — парировал Вань Миньюэ.

Собеседник на мгновение растерялся. Увидев улыбку на лице Шангуань Цюэ, он смущённо извинился:

— Ты прав. Это я мыслю слишком узко.

Хань Линь и Шангуань Цюэ были почти неразлучны. Когда Вань Миньюэ вызывал приятеля на поединок, старший брат неизменно стоял рядом, и его взгляд, казалось, препарировал каждый приём, каждое движение.

Из-за этого Миньюэ поначалу пытался скрывать свои лучшие техники, но в итоге ему пришлось пустить в ход весь свой арсенал. Он испробовал всё, чем владел в совершенстве: саблю, копьё, алебарду, шест, топор, кнут... но так ни разу и не смог одолеть Хань Линя.

Проиграв, он видел, как Шангуань Цюэ, устроившись в стороне, что-то записывает, обмакивая кисть в тушь. Не нужно было быть провидцем, чтобы понять, что именно он там строчит. Злость закипала в груди.

— Ему что, совсем нечем заняться? Тренироваться не надо? — с искренним недоумением спросил Вань Миньюэ.

— Все техники, что передал ему наставник в письмах, старший брат уже освоил, — ответил Хань Линь.

Миньюэ искоса посмотрел на Шангуань Цюэ, который продолжал записывать его слабые места, и, не в силах сдержать раздражение, сорвал злость на спарринг-партнёре:

— Как трогательно ты его называешь. Шангуань Цюэ ведь не ученик твоего наставника.

— Ты больной? Он ученик моего боевого дяди, почему я не могу так его называть? — огрызнулся Хань Линь, нанеся ему ещё один удар деревянной саблей по пояснице.

— Быть его шестёркой — большая честь для тебя, — съязвил Вань Миньюэ, потирая ушибленное место, чтобы и противнику стало не по себе.

Тот, выкрикивая ругательства, с деревянным клинком наперевес снова бросился на него. Шангуань Цюэ, прислонившись к иве, лишь молча улыбался.

Прежде в Линьси царила гармония: были те, кто выделялся боевым искусством, и те, кто славился красотой. Но с приходом Шангуань Цюэ баланс был нарушен. Он был и силён, и красив, и затмил собой всех. Девушки вздыхали по нему, юноши восхищались им. А когда кто-то привлекает к себе слишком много внимания, это неизбежно начинает раздражать.

Как же это бесило.

Вань Миньюэ до смерти надоело, что время его поединков с Хань Линем было всем известно. Старшие и младшие сёстры по школе постоянно подсовывали ему еду, а потом просили передать Владыке Павильона Шангуаню письма и всякие безделушки. Поначалу он соглашался, ведь они всё равно виделись каждый день. Но со временем ему пришлось завести для этих подношений отдельный мешочек.

— О, да это же наш почтальон из Линьси пожаловал, — неизменно посмеивался Хань Линь.

Вань Миньюэ развязывал узел и швырял мешок в него.

— Ты чего? — едва успевал поймать тот.

— Это всё для твоего старшего брата. Кому мне ещё это отдавать? Он же одержим тренировками, кроме тебя, к нему никто и подойти не может.

— Так он же скоро сам сюда придёт, — Хань Линь пытался впихнуть вещи обратно. — Если старшие сёстры узнают, что я снова за тебя передаю эти штуки, они мне уши надерут.

Мимо проходило несколько учениц. Они бросили на них любопытный взгляд, и юноша поспешно отступил от мешка, делая вид, что он ни при чём, и с натянутой улыбкой поздоровался.

— Посмотри на себя, какой же ты жалкий, — Вань Миньюэ ткнул его пальцем в лоб. — Ты ведь и сам недурён собой, чего так унижаться?

— А ты, такой красавец, уже нашёл себе кого-нибудь? — огрызнулся Хань Линь.

— Что поделать, если в Линьси все без ума от твоего старшего брата. К тому же сейчас не время для амурных дел. Я ведь не ты.

— А что я? — возмутился Хань Линь.

— О, я не знаю, кто это у нас каждый раз, приходя в наш монастырь, делает крик, чтобы посмотреть на нашу старшую сестру Хэ.

Уши Хань Линя вспыхнули.

«Он что, и вправду думал, я не замечу? — Вань Миньюэ усмехнулся про себя. — Пожалуй, продолжу его дразнить»

Вслух же он с улыбкой продолжил:

— А вкус у тебя хороший. Хэ Я — самая красивая девушка в Линьси.

При упоминании о ней он вспомнил о своём товарище, страдавшем от неразделённой любви.

— Слушай, а ты знаешь, как расположить к себе девушку? У меня тут один друг совсем извёлся.

— Цветы, дари ей цветы, — честно ответил Хань Линь. Увидев вдалеке приближающегося Шангуань Цюэ, он издали крикнул: — Старший брат! — а затем продолжил: — Мой отец, когда возвращался с поля, всегда по дороге срывал для мамы полевые цветы. А когда ездил на ярмарку, привозил какие-нибудь редкие, которых у нас не было. Мама всегда так радовалась.

Вань Миньюэ не ожидал, что у его родителей были такие тёплые отношения, но не успел он ничего сказать, как Хань Линь уже сорвался с места и, словно щенок, бегущий навстречу хозяину, помчался к Шангуань Цюэ.

Это случилось не в первый и не в последний раз. Миньюэ, оставшись один с тяжёлым от девичьих чувств мешком, окончательно записал старшего брата Шангуаня в ряды тех, кто его невероятно раздражал.

Но он редко пересекался с ним напрямую. Тот был слишком высокомерен и на любые провокации отвечал лишь мягкой улыбкой, отыгрываясь потом в поединках, нанося жестокие удары.

— Он точно делает это нарочно, — жаловался Вань Миньюэ Хань Линю.

— Нет, мой старший брат просто не опускается до твоего уровня.

— Хватит врать самому себе! Почему я не вижу, чтобы он тебя так же сильно бил?

— Потому что ты это заслужил.

— Так ты признаёшь, что он делает это нарочно!

К несчастью, за те два года Вань Миньюэ почти ни разу не смог победить Хань Линя. Одолеть Шангуань Цюэ было и вовсе несбыточной мечтой — тот мог справиться с ними обоими одновременно. Но он считал, что в поражениях от Хань Линя была немалая заслуга его старшего брата: один бил его физически, другой — стратегически.

Они часто ссорились, и их спарринги нередко перерастали в настоящие драки, в результате которых страдало немало вещей. Среди них был и каменный лев, довольно старый и со своей историей.

Даос Цин Я не любил подолгу оставаться на одном месте, утверждая, что духовная энергия в любой местности ограничена и не более чем через десять лет нужно перебираться. В Линьси они жили уже пятый год. В дороге было много поклажи, и тащить всё с собой было неудобно, но пара каменных львов путешествовала с ними всегда.

Вань Миньюэ смутно помнил рассказы наставника об их происхождении, но не особо вслушивался. Он знал лишь, что лев-самец уже много лет исправно охранял вход в их монастырь.

В тот день Миньюэ пришёл, чтобы испытать на Хань Лине новую технику меча, и вовсе не собирался с ним ссориться. Во время перерыва Хань Линь пошёл подметать. Обычно они делали это вместе с Шангуань Цюэ, но сегодня того не было. Вань Миньюэ, вместо того чтобы придраться, решил помочь и, чтобы завязать разговор, спросил:

— Что это ты сегодня не липнешь к своему старшему брату?

Он не хотел звучать язвительно, но по привычке вышло именно так. Он тут же понял, что сболтнул лишнего.

Хань Линь, сдерживая гнев, бросил на него косой взгляд и принялся разматывать тряпичные обмотки на ладонях. Недавно он начал тренироваться со стальной саблей и, переусердствовав, стёр ладони в кровь.

— К нему снова приехала мать, — всё же ответил он.

Шангуань Цюэ был старшим сыном в семье, и его мать дважды в год приезжала в Линьси, привозя с собой его младших братьев и сестёр. В этот раз она привезла четырёхмесячную сестрёнку, чтобы показать её старшему брату. Обычно, когда приезжала мать, они спускались с горы, чтобы хорошо поесть в городе, и подолгу разговаривали по душам, вызывая зависть у учеников, привыкших к суровой жизни в горах.

Миньюэ, пытаясь сгладить неловкость, сменил тему:

— А сёстры твоего старшего брата такие же красивые, как он?

— Никто не сравнится с ним в красоте, — ответил Хань Линь, опустив глаза и продолжая сдирать присохшую к ранам ткань.

— А кто красивее — твой старший брат или наша старшая сестра Хэ Я?

Скажи это кто-нибудь другой, Хань Линь честно ответил бы, что его старший брат красивее. Но это был Вань Миньюэ. Видя их близкие отношения и слыша, как другие ученики подшучивают над их неразлучностью, Миньюэ, чтобы досадить приятелю, постоянно отпускал в его адрес двусмысленные шуточки про него и Шангуань Цюэ.

Шангуань Цюэ, слыша эти насмешки, тоже находил их неприятными и как-то сказал Хань Линю:

— Этот парень выглядит как учёный, носит белые даосские одежды, но язык у него острый и повадки, как у уличного хулигана.

Возможно, из-за того, что в детстве он был учеником мясника, Хань Линь терпеть не мог подобных разговоров. Поначалу, когда другие братья подшучивали над ним, он серьёзно возражал, говоря, что ему нравятся девушки. Те, видя его серьёзность, лишь посмеивались и со временем перестали.

Но Вань Миньюэ говорил иначе. Его целью было вывести Хань Линя из себя, и от его слов у того по коже бежали мурашки. Когда рядом был Шангуань Цюэ, он сдерживал его, не давая ссоре разгореться. Но тот не всегда был рядом — у него были свои тренировки, свои дела, письма от родителей, на которые нужно было отвечать.

Миньюэ постоянно задибался, и Хань Линь, который в присутствии старшего брата уже перестал спорить, снова начал срываться. Шангуань Цюэ потратил немало сил, чтобы отучить его от привычки болтать без умолку.

И на этот раз, спрашивая, кто красивее — Шангуань Цюэ или самая красивая девушка Линьси, — Вань Миньюэ даже изменил тон, сделав его игривым, и растянул слова, придав им особый смысл.

Хань Линь поднял глаза, схватил саблю и, сделав несколько быстрых шагов, бросился на него. Миньюэ понял, что тот в ярости, и поспешно отскочил.

Они дрались по всей дороге, до самого входа в монастырь, не уступая друг другу ни пяди. Когда Хань Линь попытался ударить его ногой, Вань Миньюэ, используя технику лёгкости, увернулся. Но противник вложил в удар слишком много силы и не смог вовремя остановиться. Его нога врезалась в каменную статую, разбив её вдребезги.

Даос Цин Я, увидев останки древнего каменного льва, пришёл в ярость. На следующий день он, что было неслыханно, перевалил через гору, чтобы поговорить с наставником Хань Линя, Се Чжишанем.

Хотя Се Чжишань обычно был строг с Хань Линем на людях, но втайне баловал его, на этот раз ущерб был слишком велик. Наставник Се тоже был раздосадован, но, поскольку всё произошло под предлогом межшкольного спарринга, а один из участников был не из его школы, он не мог

открыто выказать гнев.

В итоге оба мастера сошлись во мнении, что детей нужно проучить, и наказали их обоих, отправив собирать красные бобы у подножия горы. А чтобы они снова не подрались, приставили к ним Шангуань Цюэ, который только что проводил свою мать, братьев и сестёр.

Сбор семян был утомительным занятием. Учителя выдали им огромные мешки ростом с человека и велели не возвращаться, пока не наберут по два полных.

Хань Линь залез на дерево и, вспоминая причину своего наказания, злился всё больше.

— Полюбуйтесь, до чего довела эта Ласточка!

Он прозвал Вань Миньюэ Ласточкой за то, что тот постоянно порхал по воздуху. Это также дало ему повод упрекнуть того в легкомыслии, что стало ответом на шутки о нём и Шангуань Цюэ, из-за которых некоторые ученики и вправду начали спрашивать, что между ними происходит.

Миньюэ тоже был не в восторге от сбора бобов, но, услышав его слова, усмехнулся:

— А я тут при чём? Я к тому льву и пальцем не притронулся.

— Если бы ты там не прятался, я бы туда не ударил!

— А если бы ты за мной не гнался, я бы не прятался, как будто за мной смерть гонится! Если бы твой удар пришёлся по мне, я бы полгода пролежал. Ты совсем ног не жалеешь!

— А если бы ты не говорил глупостей, я бы за тобой не гнался!

Слово за слово, они снова чуть не подрались.

— Заткнитесь оба, скоро стемнеет.

Шангуань Цюэ, желая, чтобы Хань Линь поскорее вернулся, собирал эти семена вместе с ними с самого утра.

Хань Линь послушно замолчал. Проработав ещё полдня, он вытер пот и предложил:

— А может, срубить это дерево и просто стрясти с него всё?

— Хочешь, чтобы мой наставник нас прикончил? — отозвался Вань Миньюэ.

Юноша осторожно ссыпал горсть семян в мешочек на поясе и, прислонившись к стволу, сказал:

— Зачем нас заставили это собирать? Просто чтобы помучить? Эти плоды ведь не такие, как в каше.

— Во многих местах Индии из таких бобов делают чётки и браслеты, — ответил Шангуань Цюэ, тоже присев отдохнуть и делая глоток воды.

Хань Линь достал из мешочка одну горошину и стал её разглядывать.

— «На юге красные бобы растут, весной ветви новые дают. Срывай побольше, мой далёкий друг, в них память о любви и горечи разлук». Это про эти бобы или про те, что едят?

— Ого, ты даже стихи про красные бобы знаешь? — Вань Миньюэ тоже присел в тени.

Он помнил, как при их знакомстве тот и читать-то толком не умел, постоянно спрашивая у него и Шангуань Цюэ.

— Про эти. Это морские красные бобы, их ещё называют бобами любви. Они ядовиты, — наконец ответил Шангуань Цюэ. Семья Шангуань разбогатела на торговле травами и пряностями, и он с детства, в перерывах между тренировками с мечом, по настоянию отца изучал фармакологию и медицину.

Вань Миньюэ тоже специально изучал медицину у своего наставника и даже прочёл немало медицинских трактатов. За это Хань Линь, когда злился на него, называл его трусом.

— Да, я боюсь, — не скрывал Миньюэ. — А кто не боится? К тому же, тебе в будущем предстоит покорять цзянху, и тогда ты ещё не раз добрым словом вспомнишь врачей.

Услышав ответ Шангуань Цюэ, Вань Миньюэ добавил:

— Если говорить о яде, то с другими семенами, абрусом молитвенным, ничто не сравнится. Это смертельный яд. Но их тоже называют семенами любви.

— Странно, почему ядовитые семена называют семенами любви? — Хань Линь отдохнул, размял шею и поднялся. — Неужели и Яма страдает от любви?

— Возможно, любовь сама по себе — яд, — сказал Шангуань Цюэ, тоже вставая.

Лишь когда совсем стемнело, им троим с трудом удалось наполнить два огромных мешка. Хань Линь, обрадованный окончанием мучений, собрался спуститься с дерева, но в темноте не разглядел, что ветку, на которую он наступал, Вань Миньюэ давно сломал. Он сорвался, подвернул ногу и вывихнул лодыжку.

Услышав крик, Миньюэ подбежал, быстро снял с него обувь и носок и, ощупывая лодыжку, принялся вправлять кость.

— Осторожнее, — всё повторял Шангуань Цюэ.

Горячая слеза упала на руку Вань Миньюэ. Он поднял глаза и в сумерках увидел, что Хань Линь от боли плачет. Слезы стояли в его тёмных блестящих глазах.

— Но я помню, там точно была ветка, — с обидой в голосе прошептал Хань Линь, его детские брови сошлись на переносице, а кончик носа и глаза покраснели.

Миньюэ замер. Он опустил взгляд на тонкую, почти без мышц, лодыжку, которую держал в руках, и лишь в этот миг с трудом осознал, что тот младше его на целый год — совсем ещё мальчишка. Он ослабил хватку, нащупал правильное положение кости и тихо сказал:

— Сейчас будет больно. Я постараюсь сделать как можно легче.

Раздался хруст, и пронзительный крик Хань Линя вспугнул стаю серых голубей.

Он всё ещё не мог идти от боли. Его заплаканное лицо было по-своему забавным. Вань Миньюэ встал, взъерошил ему волосы и сказал:

— Мы с Шангуанем поможем тебе дойти.

Когда они втроём вернулись в монастырь, было уже совсем темно. Даос Цин Я, увидев, как они, поддерживая друг друга, ковыляют, словно братья по несчастью, остался доволен. Заметив их усталый вид и то, что самый непослушный из них хромает, он даже не стал ругаться из-за того, что в мешках было полно листьев, и пропустил их внутрь.

Когда нога зажила, Вань Миньюэ, видя, как Хань Линь снова скачет и готов броситься на него с саблей, поддразнил:

— Ты же своей ногой каменного льва разбил. Как ты умудрился свалиться с такого невысокого дерева и так покалечиться?

Если Шангуань Цюэ не было рядом, чтобы его сдержать, Хань Линь хватался за саблю и гонялся за ним по всей горе. Вань Миньюэ владел техникой лёгкости в совершенстве, и

противник не мог его догнать. В бессильной ярости юноша каждый раз жаловался на него Шангуань Цюэ.

Тот, как обычно, указал подопечному на его ошибки, а в конце неожиданно добавил:

— Его техники разнообразны, но не отточены. Кроме техники лёгкости, во всём остальном он тебе уступает. Не зазнавайся.

— Не говори так, он очень силён. Для других он уже мастер и мягкого меча, и сабли, и топора, и молота.

— Тридцать приёмов, и я уже могу указать на две смертельные ошибки, — усмехнулся Шангуань Цюэ.

— Но я не могу увернуться от его скрытого оружия, — с опаской сказал Хань Линь.

— Если он и дальше будет распыхиваться, не сосредоточившись на скрытом оружии, то через два месяца тренировок по моей методике его дротики тебя больше не коснутся.

— Это потому, что старший брат так силён, — Хань Линь протянул руку, чтобы помочь Шангуань Цюэ подняться. — Разве ты сам не говорил, что наблюдать за его разнообразными техниками полезно для обратного анализа?

— Каждая из них не слишком искусна. Двух-трёх раз достаточно, чтобы всё понять.

— Ха-ха, тогда, может, мне с ним поговорить, чтобы он сосредоточился на скрытом оружии и технике лёгкости?

— Ты же с ним постоянно ссоришься.

— Это мы так, играем. Что в этом серьёзного? К тому же, кроме тебя, никто из других учеников больше не хочет со мной драться...

— Это потому, что ты стал слишком силён, — сказал Шангуань Цюэ.

— Силен? Да какой там. Ты меня в несколько приёмов укладываешь... Здесь только с ним можно интересно подраться. Противник должен быть достойным. Если его мастерство упадёт, будет неинтересно.

— Как знаешь, — Шангуань Цюэ отряхнул одежду, взял деревянный меч и, сделав изящный выпад в сторону Хань Линя, с приподнятой бровью сказал: — Внимание.

Иногда их потасовки заходили слишком далеко, и тогда Шангуань Цюэ следил за тем, чтобы они оба понесли наказание. Со временем он даже перестал читать Хань Линю нотации. Сбор красных бобов, работа на мельнице, перетаскивание месячного запаса овощей и мяса с подножия горы — наставники всегда находили новые способы проучить их.

Во второй раз, собирая семена, они уже были опытнее и вернулись с полными мешками ещё до наступления темноты.

На следующий день Хань Линь, как обычно, сдавал экзамен своему наставнику, но неосторожно порезал руку — правую, которой держал саблю. Рана была длинной и глубокой, и мочить её было нельзя. В их деле пораниться собственным оружием было обычным делом. Обычно, если один получал травму, другой брал на себя его работу. Так случилось и в этот раз. Через день Шангуань Цюэ, стирая накопившуюся одежду Хань Линя, нашупал в кармане горсть красных бобов — тот, видимо, забыл их вытащить.

Бобы были ярко-красными. В тот вечер Шангуань Цюэ от нечего делать нанизал их на шёлковую нить. В свете лампы они горели, словно капли крови. На следующий день он отдал браслет Хань Линю, велел носить на правом запястье, чтобы тот был внимательнее, когда берёт в руки саблю. Хань Линь привык к браслету. Яркая, неувядающая красная нить оставалась на его запястье долгие годы.

Со временем он привык и к подколкам Вань Миньюэ и перестал вспыхивать по любому поводу. Они больше не ссорились. Их разделяла гора, и виделись они не так уж часто. Повзрослев, Миньюэ тоже остепенился и всерьёз занялся тренировками, готовясь показать себя на Собрании у Драконьих Врат.

Но из-за их детских перепалок отношения между ними стали настолько близкими, что со стороны их разговоры могли показаться чересчур фамильярными. Впрочем, теперь Миньюэ перестал задевать Шангуань Цюэ и дразнить Хань Линя их братской дружбой. Хань Линь за эти годы тоже привык и выстроил высокую стену психологической защиты, так что его уже ничем нельзя было удивить.

В результате в глазах окружающих странные отношения были уже не у Хань Линя с Шангуань Цюэ, а у него с Вань Миньюэ.

Поначалу чрезмерное внимание Вань Миньюэ вызывало у Шангуань Цюэ подозрения. Он был из Цзиньлина, видел своими глазами всю роскошь и разврат столицы, слышал о самых разных извращениях. В этом возрасте, когда тело формируется, да ещё и в горах, где хоть и сурово, но сытно, Хань Линь быстро избавился от своей костлявости. Его плечи расширились, он сильно вытянулся, и черты его лица окончательно оформились.

И эти черты, был уверен Шангуань Цюэ, стремительно приближались к идеалу мужской красоты. Окружающие перестали так настойчиво обсуждать их с Хань Линем отношения.

Видя, как Вань Миньюэ настойчив, и глядя на его собственную утончённую внешность и легкомысленную манеру поведения, Шангуань Цюэ невольно сравнивал его с теми столичными повесами, которые, пресытившись женщинами, искали новых, экзотических развлечений. Его подозрения не были беспочвенными. Какой нормальный мужчина будет изо дня в день говорить с другим мужчиной таким приторным тоном, да ещё и с тем, кто обладает внешностью, которая могла бы ему понравиться?

Даже если это было лишь для того, чтобы досадить ему самому, это было слишком.

Шангуань Цюэ не испытывал особого интереса к отношениям между мужчинами. К счастью, со временем Хань Линь привык к манере Вань Миньюэ, и они перестали ссориться. А поскольку Вань Миньюэ часто навещал юношу, у Шангуань Цюэ появилось больше свободного времени, которое он мог посвятить изучению внутренних техник. Позже у него появились и свои заботы, и ему стало совсем не до них.

До Собрания у Драконьих Врат, которое проводилось раз в пять лет, оставался всего год, а сердце Шангуань Цюэ тонуло в пучине отчаяния.

Он уже год не получал вестей от своего наставника. А полгода назад его боевой дядя получил от того кровавое письмо, в котором говорилось, что он в отчаянном положении. После этого — ни единой весточки. Смысл письма был ясен: он должен быть готов к худшему, его учитель, скорее всего, убит.

Предчувствия Ао Чжуня оправдались. В последние годы возродившийся Культ Красного Вэй сеял хаос и смерть. Несколько совместных походов властей и мира боевых искусств закончились провалом. Гибель его наставника была практически предрешена.

Возможно, из-за постоянных скитаний, объём техник, которые учитель присылал ему каждый год, уменьшался. Техники, полученные в начале этого года, Шангуань Цюэ освоил меньше чем за два месяца.

В самый первый день обучения Ао Чжунь строго-настрого предупредил ученика, что, несмотря на всю мощь и сложность их учения, оно требует абсолютной чистоты и веры. Любая попытка смешать его с техниками других школ приведёт к самосожжению. Даже ему самому, прежде чем приступить к изучению, пришлось забыть всё, чему он учился в Линьси более десяти лет, и больше никогда не использовать старые техники. И поскольку он ранее изучал другие техники, его собственное развитие в этом искусстве достигло предела. Именно поэтому он искал себе в ученики детей, никогда не прикасавшихся к боевым искусствам.

Шестнадцать-семнадцать лет — возраст, когда способность к обучению достигает своего пика. Хань Линю только что исполнилось шестнадцать, и его мастерство владения саблей росло не по дням, а по часам. Он уже мог выдержать несколько сотен ударов в поединке со своим наставником. Техника лёгкости Вань Миньюэ стала одной из лучших в мире, и последние два

года он посвятил оттачиванию скрытого оружия. И только Шангуань Цюэ в этом возрасте остановился в своём развитии.

Он всё ещё цеплялся за последнюю надежду. Ао Чжунь входил в пятёрку сильнейших воинов своего времени. Что, если ему удалось выжить? Но вскоре отец прислал ему письмо. В нём говорилось, что несколько дней назад ему продали информацию, перехваченную у Культа Красного Вэй, — о том, что Ао Чжунь был окружён и убит.

В тот вечер Шангуань Цюэ, дочитав письмо, спокойно сжёг его в пламени свечи. Стоявший рядом Хань Линь спросил, что написал его отец.

Шангуань Цюэ улыбнулся и ответил:

— Отец пишет, что моя третья сестрёнка научилась говорить «брат».

У Ао Чжуня было много врагов в цзянху. Эту новость нельзя было разглашать, иначе семью Шангуань ждала бы неминуемая гибель. Но юноша должен был сделать выбор: остаться на достигнутом уровне, недостижимом для большинства мастеров, но так никогда и не достичь вершины, или забыть учение своего наставника и начать всё с нуля.

Это было трудное решение, но Шангуань Цюэ принял его быстро. Он — Шангуань Цюэ, и ему суждено взойти на вершину. И пусть полтора десятка лет упорных тренировок пойдут прахом, пусть его восхождение к вершине займёт гораздо больше времени.

Какая разница? Он — Шангуань Цюэ, и его цель всегда была одна — стать величайшим.

<http://bllate.org/book/15990/1441489>